

**Бадретдинов З.А., Бадретдинов В.З.\***

Сибайский институт Башкирского государственного университета (СиБГУ),  
\*Уфимский государственный авиационный технический университет (УГАТУ)

## **ВЛАСТЬ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ**

**Власть человека понимается как контроль и управление над самим собой и над другими людьми. Политическая философия нацеливает нас на стремление к самоутверждению, но с другой стороны, власть раскрывает трагическое положение человека.**

Необходимость использования других людей в собственных интересах в процессе реализации своего присутствия в обществе есть отправной пункт феноменологического рассмотрения. Для такого подхода власть не является свойством индивида, которому надо поклоняться ввиду наличия соответствующей харизматичности. Прежде всего это есть осознание, что позиция человека строится в контексте его опыта с допредикативностью, а личность изначально существует с кратологической социальной установкой. Особенность изучения властного явления как объекта анализа в том, что это есть взаимоотношение живых людей по иерархической лестнице, а властная связь выражает себя с помощью тех символов, которые демонстрируют меру, силу и направление их влияния друг на друга. Мы исходим из необходимости различать власть не просто как процесс каузальности или функциональности, а понимание ее через дискурс и возможность выявления значения этих явлений посредством ценностной их оценки. Нас будет интересовать не сам факт определяющего воздействия на другого и получаемый при этом результат. На первом плане будут находиться те значения, из которых мы исходим при этом процессе. Это требует ухода от эмпирического управленческого решения в допредикативные слои нашего жизненного опыта. Исходя из такого феноменологического ограничения, власть выступает одним из способов нашего духовного сосуществования, посредством чего происходит постоянное ретроспективное рассмотрение и выявление нашей жизненной позиции через использование исполнительской деятельности других индивидов. Мы не рассматриваем власть как объективное причинно-следственное воздействие, также уклоняемся от выявления

спонтанного характера наших субъективных волевых притязаний.

Мы попытаемся раскрыть смысл властного поведения, исходя из выявления его основ, где у каждой стороны есть свои волеизъявления. Речь идет не о том, какую эмпирическую задачу преследует носитель властного действия, а осуществляется анализ тех переживаний своей занимаемой позиции, которые субъекты испытывают, обосновывая свои права и обязанности в процессе взаимоотношений с объектами воздействия. По словам А. Шюца, «...проблема смысла – это проблема времени, правда,...времени «внутреннего временного сознания», сознания соответствующей протяженности, в которой для субъекта переживания конституируется смысл его переживаний» [1]. Истолкование подневольных действий как изменения в структуре и функциональной направленности поведения в кратологии можно истолковать только через анализ смысловых оценок внешнего доминирующего сознания. Дело не в том, как один человек хочет заставить другого действовать определенным образом. Речь идет о таком факте, что любое навязывание воли предполагает действующего актора, который и выражает этой волей свои права и обязанности в процессе осуществления коммуникации, что обуславливает соответствующую реакцию в поведении его партнера. Иначе получится, что теми же напряжениями и мотивами воспринимается приказ или совет другого лица. Но это слишком прямолинейное понимание, так как люди в одних случаях навязывают свою волю, а в других примерах реализуют намерение вышестоящего индивида.

Когда человек руководит другим лицом, он, исходя из данного конкретного мотива и задачи, ставит вопросы об адекватности получаемых результатов своим ценностям.

К примеру, перед принуждением индивида к чему-то мы должны очерчивать параметры своих интересов. Приказывая что-то, акторы способствуют достижению и соответствующему упорядочиванию поведения конкретного лица. С другой стороны, мотивом воздействия может быть социальный контекст, к примеру, осуществление задач общественного регулирования. К тому же надо помнить, что, применив силу для реализации своего плана, мы можем не просто разочароваться в своих делах, но ощутить безвластие и слабость.

Власть в актуальном понимании представляет собой интенцию, навязывание своей воли другому человеку. Но ограничиться только реализацией своих намерений в настоящем – это оказаться в плену переживаний партнеров, хотя и осуществляющих наши намерения. По-другому обстоит дело, если мы «заключаем в скобки» данные пространственные переживания актуальности и сосредоточиваемся на своих переживаниях по поводу результатов данного подчинения и управления. Такое понимание властного процесса предполагает, что «мир объективного смысла в социальности отделен от конституирующих процессов задающего смысл сознания» [2]. Мы освобождаемся от подробностей, какими методами и способами будет осуществлять свое подчинение партнер, но будем исходить из установки, что произойдет выполнение исполнительской функции в контексте нашего волеизъявления. Феноменологическое рассмотрение позволяет делать анализ смысла происходящих в обществе властных процессов.

Властное сознание личности должно обладать направленностью на объект (интенциональность), иначе оно деформируется. Но это обладание объектом невозможно без габитуса (копилка общей памяти), который и облегчает понимание необходимости протекания властных связей и показывает изначальную социальность личности. Как пишет Панарин А.С.: «Я определил бы габитус как способ согласования практик человека с заветами коллективной памяти, ставшими культурной нормой, с одной стороны, и коллективными целями и проектами – с другой»

[3]. Постмодернистская модель власти стремится строить такую модель власти, которая опирается только на настоящее, на утилитарные ценности, на универсальные образцы. Мы же власть объясняем из прошлого, необходимо всегда ориентироваться судьбой своей страны, семьи и биографии.

Социальную память, на наш взгляд, следует понимать как особую самоорганизующуюся социальную систему информации. Историческое сознание порождается памятью о прошлом и становится мыслью, протянутой через цепь времен. Люди, как непосредственные носители исторического сознания, по-разному оценивают социальную память, являются ее организующим началом. Они что-то выделяют как важное, забывают то, что не хотят помнить, устремляют взгляд на будущее с оптимизмом или отчаянием. Это невозможно объяснить только исходя из принципа историзма, хотя в деле понимания взаимодействия памяти и исторического сознания ему принадлежит важнейшая роль. Необратимость роста информации, взаимодействие социальной памяти с внешним миром, неравновесность и флуктуация порождают разнообразные варианты ее дальнейшего развития. Историческое сознание является двигателем этого выбора развития. В точках бифуркации, например, в годы острой нестабильности даже субъективные факторы меняют историческое сознание, которое заново перестраивает понимание социальной памяти.

На формирование исторического сознания, а также на его взаимодействие с социальной памятью оказывают большое влияние формирующиеся производственные и социальные отношения, но самую значительную роль здесь играет сама внутренняя логика развития идей. Она указывает на возможное направление в рамках данной конкретной исторической ситуации. Не удивительно, что каждая историческая эпоха творчески осваивала социальную память. Так, средневековая историография возросла на почве позднеантичной языческой традиции, переосмыслив и развив ее в соответствии с христианской системой представлений. Можно сказать, что связь между социальной

памятью и историческим сознанием заключается в том, что историческое сознание опирается на память, но, будучи творческим началом, на ее основе создает свое понимание действительности. Со временем и сама мысль об истории становится памятью, тем самым происходит ее постоянное развитие.

Задача политической философии власти заключается в анализе тех значений, которыми мы наделяем свои волеизъявления (М. Вебер). А эти значения мы получаем не потому, что можем выразить коллективные интересы или какие-либо прогрессивные представления. Также речь не может идти о власти как отражении законов. Понимание данного феномена должно вытекать из нашей автобиографичности, оно проистекает из нашего прошлого и будущих планов, а по своей сути выражает релевантность существующих волевых структур. Мы не можем при оценке явления довольствоваться привычным пониманием того, кто стоит у руля руководства, а кто просто подчиняется. Все эти властные процессы не существуют в изолированном виде, а образуют монотетический взгляд нашего мировоззрения о той позиции, которую имеем в контексте социально-исторического развития. При этом оценка власти образуется на основе выявления позиции «Я», «Здесь», через осмысление которых мы организуем влияние на других индивидов, обеспечивая через руководство его место как «Ты», как «Там». При этом властное отношение аппрезентативно, а такие термины, как подчинение, управление, символизируют о наличии «Другого» индивида, который не просто занимает соответствующий нижний уровень в общественной иерархии, но своими действиями представляет нашу тематику и поведение.

Обычно мы берем во внимание непосредственное взаимодействие субъекта и объекта. Здесь речь идет о действиях в настоящее время, которые направлены на будущие регулируемые преобразования в структуре и функциях подотчетного лица. Но, заставляя его что-то сделать, мы сами непосредственно вовлекаемся в его переживания. Как пишет об этом А. Шюц: «Это переживание потока сознания другого в живой

одновременности я предлагаю назвать всеобщим тезисом существования другого Я» [4]. Поэтому о власти надо говорить не в обыденном понимании, а в трансцендентальном значении. Подчиняя другого человека к выполнению, мы тем самым априорно не просто говорим о наличии партнера, но и исходим из существования его власти над нами в актуальности. При этом возможны постоянные ошибки в руководстве, которые размывают наши планы и ценности. Только через рефлексию, окинув из прошлого данный миг воздействия, можно оценить действия другого посредством понятия «мое». С другой стороны, мы можем проектировать свои будущие волевые интенции, получая представление о потенциальных знаниях и порядках. Это знание о будущем состоянии, которое реализует исполнитель, дает нам власть. Но это знание является для нас также трансцендентным явлением, так как осуществление производит наш напарник со своими мыслями и планами. Поэтому объект власти не может быть простым проводником наших психофизических или перцептивных активностей. Другой имеет власть надо мной также потому, что в своих действиях выступает центром организации личностной деятельности. На основе своих планов и воспоминаний через нас и посредством нас он обозначает свои параметры размещения.

Как бы то ни было, власть нельзя сводить к чистому психологическому воздействию на изолированное лицо, обязательно диалог должен рассматриваться в контексте социальных взаимоотношений, поэтому надо не останавливаться на процедуре воздействия партнеров, а через оценку культуры необходимо устанавливать те установки и ценностные ориентации, которыми люди руководствуются. Дело не в том, что можно претворять коллективную волю или чувствовать себя интегрирующей единицей. Речь идет о возможности через анализ других в контексте нашей ориентации установить в партнере подчиненное положение в рамках совместной жизнедеятельности. Это приводит к тому, что наше доминирование над конкретным индивидом является предикативной характеристикой существующей соб-

ственной позиции в рамках всего общества. Властное воздействие подразумевает, что, выражая установку на функционирование данного объекта, мы включаем в структуру своей воли не только опытные данные непосредственных участников действия, но и структурные разделы социальной культуры. Не только конкретное лицо что-то приказывает, но и происходит выявление общего смыслового контекста иерархического построения общества. Власть есть сцепление всей системы интеграции по поводу иерархического упорядочивания общественной организации. Актор не просто переживает процесс послушания данного индивида, а осмысливает сам факт установления данного режима в обществе. Речь в кратологии должна идти не о том, что существует общая коллективная воля, а необходимо видеть предпосылку и результат наших действий в контексте существования определенной социальной культуры в данном обществе. Только размышляя о соответствующем социальном порядке, мы ожидаем, что у партнера могут быть мотивы подчинения и включения в нашу программу регулирования.

Власть есть явление социального плана. Мы не сможем понять совет или приказ, который вынуждает нас к определенной схеме действия, если не будем видеть за ними человека с его переживаниями и мотивами.

При этом любой человек не живет просто какими-то навязанными мыслями, не сводит управление лишь к контролю, но и сравнивает с прошлым, размышляет о будущем статусе. К примеру, понимает, что в старости он меньше сможет воздействовать на других в профессиональной области, поэтому сущность соответствующей формы власти надо искать в рамках нашего внутреннего времени. Конечно, то, что мы отдали приказ и получили результат, происходит в рамках внешнего времени, фиксирует необратимость сделанного. Но с другой стороны, от одного урегулированного порядка мы получаем больше удовольствия, чем от другого. Происходит одновременное воздействие на множество людей разных поколений, хотя непосредственными участниками объявляются конкретные лица, тем самым

появляется своеобразная квазисинхронность в акте самоопределения. Воспринимающий же адресат, выполняя совет или приказ, живет в нашем настоящем, поэтому судит о них в аспекте исполнения во внешнем времени. Субъект власти может оценить свою власть только по истечении определенного времени, окинув монотетическим взглядом свои последовательные шаги по упорядочиванию своего положения. При этом осознание результатов доминирующего поведения возможно только через оценивание и воспроизведение артикулированного протекания властных процессов в конкретных условиях и соответствующего агрегирования интересов. Власть выявляет наш выход из процесса приспособления и актуального переживания, она демонстрирует процесс бодрствования, когда в контексте выявления своих ценностных предпочтений мы через прошлое находим свои личностные позиции и статусы.

Нет гарантии в определении способа восприятия нашего решения. К тому же само навязывание воли не является изолированным фактом, а мотивируется соответствующей необходимостью (потому что). В качестве примера посмотрим отношение начальника и рабочего. Рабочий выполняет данную работу, так как существует приказ начальства. Но ведь работник как-то пришел к данному пониманию, что следует подчиняться указаниям вышестоящих, он сделал сознательный выбор к такому послушанию. Мотив при этом различен как для властвующего, так и для подвластного.

Протекающий акт навязывания воли в изолированном сиюминутном протекании анализировать как властное явление невозможно, так как он может вытекать из-за безвластности. Властвуя над посторонним индивидом, необходимо в пространственном плане учитывать последовательность изменения нашего положения в обществе как необходимую тенденцию в нашей биографии. Происходит фиксация направленных построений нашего иерархического состояния. Но главное здесь – человек живет здесь своими внутренними переживаниями, он выходит как духовное существо из системы иерархических зависимостей, строя культуру соб-

ственного поведения. Когда мы просто навязываем волю, чтобы удовлетворить свои капризы или физиологические потребности, значит, происходит иерархическая формализация пространственных зависимостей, мы являемся составными моментами социальной каузальности. Властное действие делает акцент не на том, чтобы фиксировать акт управления или исполнения, а на том, что переживания наши образуют необходимый компонент смыслообразующего поведения, тот или иной элемент доминирующей деятельности образует синтез предшествующего и последующего в жизни.

Властное же поведение реализуется на мотивационных принципах «потому что», которые выражают наши личностные установки, фиксируют необходимость учета прав и обязанностей индивида. В пространственном отношении возможно структурирование своего положения и выявление величины авторитета даже у тех членов общества, которые с нами непосредственно не общаются. Темпоральный аспект фиксирует возможности влияния на прошедшие и будущие события.

Только через внутреннее время мы можем понять свое положение, рассуждая о зна-

чимости данных пространственных перемещений для нас. В социальном измерении происходит постоянный анализ направления своего воздействия и меры своего могущества, также осознается степень желания трансформировать социальные процессы.

К тому же обладание возможностями управления другими действиями является не кратковременным и случайным фактором, а имеет черты воспроизводства, то есть властвующий в силу наличия полномочий может обеспечить типизацию и легитимацию, вырабатывая опыт направляющего воздействия. В силу такого понимания к власти необходимо подходить не через мотив «для чего» мы навязываем волю, а исходя из принципа «потому что» (Шюц А.). Только обращаясь к переживаниям другого в качестве символических обозначений отражения наших собственных планов, мы можем принять мотив «потому что» в качестве определяющего волеизъявления субъекта власти. Власть направлена не на структурные преобразования, а на переживания других людей, имеющих дело с необходимостью обеспечивать наши притязания.

---

**Список использованной литературы:**

1. Шюц А. Смысловое строение социального мира // Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 698.
2. Там же. С. 726.
3. Панарин А.С. Народ без элиты. М., 2006. С. 193.
4. Теория интерсубъективности Шелера и всеобщий тезис Альтер эго // Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 223.